

К цивилизационной форме конфликта: онструктивный пацифизм как ведущее понятие в трансформации конфликтов

Дитер Зенгхаас

www.berghof-handbook.net

Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention •
Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace •
Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking •
Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution
• Crisis Prevention • Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian
Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies •
Peacekeeping • Peacemaking • Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict
Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention • Development Cooperation •
Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding
• Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking • Post Conflict Rehabilitation
• Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution • Crisis Prevention •
Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian Assistance • Just Peace •
Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies • Peacekeeping • Peacemaking •
Post Conflict Rehabilitation • Civil Society • Conflict Settlement • Conflict Resolution
• Crisis Prevention • Development Cooperation • Human Rights • Humanitarian
Assistance • Just Peace • Multi-Track • Peacebuilding • Peace Constituencies •

К цивилизационной форме конфликта: конструктивный пацифизм как ведущее понятие в трансформации конфликтов

Дитер Зенгхаас

1. Введение

Как и какими средствами конституируется мир? Эту фундаментальную проблему положил в основу пацифистской программы первых двух десятилетий XX в. ведущий пацифист А. Фрид. *Причинно-следственный пацифизм* стал ключевым термином: “Если мы хотим ликвидировать какое-либо влияние, в первую очередь мы должны устранить его источник. А если мы хотим заменить его новым и желательным влиянием, мы должны заменить этот источник другим, таким, который сможет оказать желательное воздействие” (Fried, 1918. P. 10). Эта методологическая предпосылка имеет и более конкретное объяснение: если война является результатом международной анархии, которая продолжает превалировать в отношениях между государствами, то, чтобы устранить результаты ее воздействия, т.е. войну, эта анархия должна быть уничтожена как таковая. Более того, она должна быть заменена “социальным порядком”, влияние которого позволяет в целом разрешать конфликты надежным ненасильственным образом. Другими словами, в политическом смысле устанавливается мир.

Таким образом, доктрина “причинно-следственного пацифизма” или “пацифизма источник/результат” основана на попытке систематизированно рассмотреть предпосылки и условия, необходимые для мира. С аналитической точки зрения, это можно сравнить с современными попытками разработать соответствующую настоящей эпохе теорию мира, включая и совместимую с этой теорией программу по конструктивному урегулированию конфликтов (Senghaas, 1995; Czempiel, 1998).

Причинно-следственный пацифизм был ключевым научным и практическим вопросом в классических пацифистских дебатах независимо от того, использовался этот термин отдельными авторами или нет. Одна из самых больших трагедий прошедшего XX в. состоит в том, что в среде пацифистских движений этой концепции было отказано в популярности, и в конце концов она перестала быть предметом обсуждений. В XX в., отмеченном насилием, войнами, геноцидом и взаимными угрозами разрушения, пацифизм по вполне понятным причинам попал под влияние антимилитаризма и в соответствии с этим оформил свой образ мышления и действий в программах сдерживания. Но все же оставалось то, что словенский исследователь проблем мира Власта Ялюсич (Vlasta Jalusic) однажды назвала “прорехой”. В то время как антимилитаризм стремится разрушить структуры и ментальность, являющиеся причинами агрессии, насилия и войны, причинно-следственный пацифизм, в отличие от него, направлен на создание структур и ментальности, способствующих прочному миру. Короче говоря, причинно-следственный пацифизм и аналогичные ему подходы можно назвать также “*конструктивным пацифизмом*”, т.е. пацифизмом, связанным с построением и архитектурой мира.

2. Новый мировой порядок

Классическая доктрина причинно-следственного пацифизма направлена, как четко сформулировал А. Фрид в 1918 г., на установление “нового мирового порядка” (Fried, 1918. P. 42), на новую форму всемирного управления. Это намерение было

основано не на эсхатологической цели, а на осуществимых подходах, которые “вдохновлял целеустремленный дух мира” (Ibid.). Этот новый порядок мироустройства можно определить как результат “социации государств” – уже протекающий процесс, кульминацией которого может стать “contract social”, т.е. социальный договор между государствами. Это приведет не к ликвидации конфликтов, а к тому, что в современной терминологии называется *трансформацией конфликтов*: это “пересмотр международных отношений, позволяющий придать конфликтам характеристики, освобождающие их от насилия и приспособливающие к их урегулированию правовыми средствами” (Ibid. P. 12). В современных теоретических диспутах по проблемам мира понятие, подразумеваемое под трансформацией конфликтов – “трансформирование природы конфликта” – совпадает с понятием “цивилизации конфликта” (Senghaas, 1994b; Vogt, 1996).

Согласно классической доктрине причинно-следственного пацифизма считается, что цивилизованное урегулирование внутригосударственных конфликтов (“внутренний конфликт”) в большей или меньшей степени уже реализовано и что успешное объединение уже произошло, однако, в настоящее время больше нельзя использовать упомянутое выше предположение в его настоящем виде. Очевидно, что в настоящее время фактически больше нет войн между государствами, несмотря на то, что международное сообщество все еще далеко от подлинного понятия “общество государств”. Но при этом существуют многочисленные вооруженные внутригосударственные конфликты, в первую очередь различные формы гражданских войн (Gantzel, Schwinghammer, 1995). Поэтому содействие установлению мира внутри государств вновь становится ключевым аспектом аналитического и практического мышления в контексте установления мира.

3. Социальные и политические трансформации в XX веке

Осознавая необходимость пересмотра условий внутригосударственного мира по линии исследования источников мира, необходимо учитывать радикальные перемены, ранее произошедшие в западных странах, и прежде всего, новые изменения, стершие в последние десятилетия с мировой карты многие западные государства. В конце XIX – начале XX в., когда была сформулирована концепция причинно-следственного пацифизма, мировая структура, прежде всего большинство из индустриальных в настоящее время стран, имела преимущественно сельскохозяйственную направленность. Хотя по этому поводу было написано немного, но последние сто лет (1900–2000 гг.) войдут в историю как век всемирной эрозии традиционной крестьянской экономики (“декрестьянизация”). Сегодня большинство людей живет не натуральным хозяйством, а в территориальной, всецело коммерциализированной или рыночной экономике с возрастающей глобализацией ее влияния. Развивающиеся страны, несмотря на очевидные отличия, не представляют исключения в этом экономическом переходе, примером чему могут служить страны Восточной Азии и Центральной Африки.

В отличие от аграрных обществ с их традиционной сельской структурой, новая социально-экономическая среда чрезвычайно расширила горизонты людей и масштабы их действий. Урбанизация, ассоциирующаяся со структурными изменениями, укрепила также и коммуникации и впервые в истории позволила людям политически организовываться на широкой основе. В то же время массовая грамотность привела к широкомасштабной и высокоэффективной мобилизации интеллекта, другими словами, она привела к интеллектуальной эмансипации и револю-

ции навыков. Существенно вырос уровень компетентности людей. Таким образом, как в свое время удачно сказала одна монахиня, работавшая с низшими классами индийского общества, происходит переход “от невежества к самосознанию, к взаимосвязи со всем миром” (Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1999, Jan. 6). В отличие от традиционных обществ это открывает возможности для вертикальной мобильности. Более того, глобализованные СМИ предоставляют возможность сравнивать и иллюстрировать ожидания и стили жизни в международном масштабе. В настоящее время рост возможностей иллюстрировать или демонстрировать, с точки зрения политического влияния, вполне может превзойти собственно глобализацию экономики.

Таким образом, традиционные общества не только подвергаются политизации, а фактически становятся политизированными обществами, где традиционная идентичность подвергается испытаниям и ставится под сомнение. Истина больше не может быть абсолютной. Растет количество расходящихся понятий, таких, как справедливость и интересы. Множество проектов, ориентированных на реформирование и новое или иное определение политического устройства, превращает вопрос о том, что представляет собой “хорошее общество”, в существенную проблему. Стало невозможным четко выделить “*tranquillitas ordinis*” – “уравновешенность социальной системы”, некогда служившую предметом сочинений о традиционных обществах Св. Августина и многих неевропейских авторов. Появились современные формы общества, которые по своей структуре содержат потенциал конфликта и даже насилия и которые, если они не ограничиваются диктатурой или тиранией, больше не могут быть приведены к общему знаменателю. К тому же, в новых социально-экономических и социально-культурных условиях даже диктатура и тирания как в краткосрочном, так и в долгосрочном плане обречены на провал, потому что социально-культурный, социально-экономический и, следовательно, политический плюрализм недостижимы, а политизация идентичности, истины, понятий справедливости и интересов необратимы, потому что они возникают из самой основы социально мобильных обществ. Более того, все это приводит в конечном результате к требованию, которое можно услышать в любом уголке мира, – требованию политического участия.

Фундаментальная политизация происходит тогда, когда социальные, экономические и культурные конфликты приобретают форму политических, а политические – форму социальных, экономических и культурных конфликтов. Ключевой вопрос, который в настоящее время в острой форме поднимается многими обществами, – это сосуществование вопреки фундаментальной политизации (Senghaas, 1998, 2001). Сомнительная альтернатива мирному сосуществованию в ее крайней форме – это гражданская война, примеры которой мы видим каждый день в калейдоскопе политических событий.

4. Условия для мирного регулирования конфликта

Как в такой ситуации избежать гражданской войны? Описанная выше форма мироустройства, в которой мы живем, изначально представляла собой результат аграрных и индустриальных революций середины XVIII и, особенно, XIX вв. в Западной Европе. Это было время, когда впервые остро встала изложенная здесь проблема, т.е. сосуществование вопреки фундаментальной политизации. Некоторые выводы и опыт, извлеченные из обсуждения этих проблем, можно найти в нашей работе (Senghaas, 1994b).

В чем заключаются необходимые условия для цивилизованного, ненасильственного разрешения неизбежного конфликта? В свете европейского опыта можно выделить шесть важных аспектов:

Первый: **законная монополия силы со стороны государства**, т.е. защита общества, основанная на верховенстве закона, которое лежит в основе любого современного мироустройства. “Разоружение” граждан – это единственный способ заставить их использовать аргументы, а не насилие. Только при соблюдении этих условий можно заставить потенциально конфликтующие стороны разрешать свои проблемы с помощью аргументов, посредством совещательной политики на общественной арене. Критическое значение этого условия становится очевидным там, где рушится монополия силы, и граждане “вновь вооружаются”, возникает вражда и появляются военные диктаторы – в настоящее время это характерно для вооруженных конфликтов во всех регионах.

Второй: законная монополия силы требует в то же время своего рода **контроля за соблюдением законности**, который может быть гарантирован только современным конституционным государством и быть характерным именно для него. Без контроля за соблюдением законности монополия силы – это просто новая форма диктаторского правления. Соблюдение законности создает “правила игры” для обмена мнениями и для политической воли, а также для принятия решений и обеспечения правопорядка. Наряду с принципами, изложенными в документах об основных правах, жизненно необходимы и “правила игры”, потому что в политизированных обществах преобладают серьезные разногласия по важнейшим вопросам.

Третье основополагающее условие для сохранения внутреннего мира – это **контроль над эмоциями**, источником которых служит широкий диапазон и многообразие форм взаимозависимости, присущей современному обществу. Эти общества имеют очень разветвленную структуру, и люди в них играют множество ролей, отражающих широкий спектр их лояльности. Теория конфликта и опыт реальной жизни показывают, что чрезвычайное разнообразие социальных ролей ведет к фрагментации конфликта и тем самым – к смягчению конфликтного поведения и контролю над эмоциями. В таких сложных условиях, как модернизирующиеся и современные общества мирные социальные отношения без контроля над эмоциями были бы недостижимы.

Четвертое условие: главным образом из-за необходимости контроля над эмоциями, важную роль играет **демократическое участие**. Обеспокоенность за права (“Rechtsunruhe”¹ по терминологии Зигмунда Фрейда) проявляется тогда, когда люди не могут принимать участия в общественных делах из-за своей этнической принадлежности или других форм дискриминации. В худшем случае это приводит к усугублению конфликта, и в политизированных обществах он может стать очагом насилия. Таким образом, демократия как основа правового развития – не роскошь, а необходимая предпосылка для мирного разрешения конфликтов.

В политизированных обществах этот подход к урегулированию конфликтов будет, однако, иметь устойчивые результаты, только если дополнительные усилия постоянно будут направлены на обеспечение **социальной справедливости**. Это является пятым условием. Большинство современных капиталистических обществ основано на рыночных отношениях, а в них всегда существует социальное неравенство, до тех пор, пока усилия, направленные на борьбу с динамикой несправедливости, не станут постоянными, в этих обществах будет увеличиваться глубокий социальный раскол. Таким образом, если доверие к конституционному государству со стороны неблагополучных индивидов или групп не ставится под сомнение вследствие того,

¹ Rechtsunruhe – тревога за права, о законности.

что правила игры перестали быть справедливыми, то должны прилагаться дальнейшие усилия для обеспечения дистрибутивной справедливости. Реальные усилия, направленные на сохранение социальной справедливости и законности создают почву для конструктивного урегулирования конфликтов, а также обеспечивают легитимность общественных институтов.

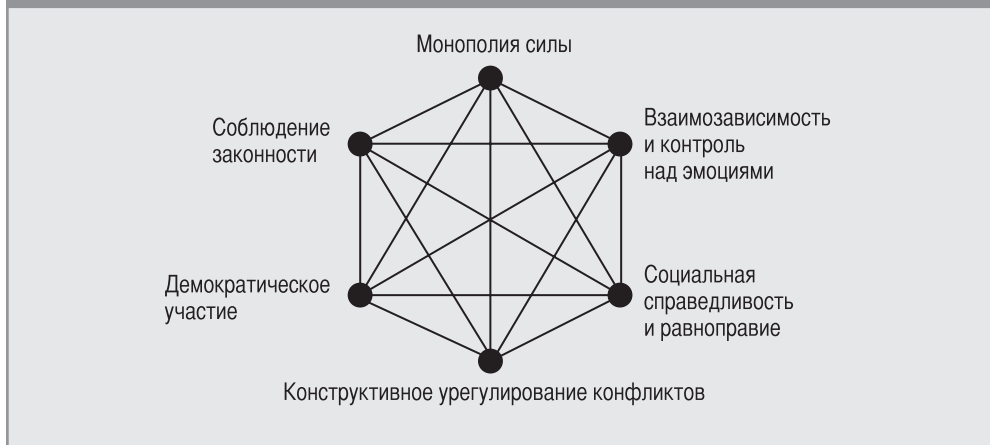
Шестое. Если возможности проявить свою идентичность на публичной арене и сохранить равновесие между различными интересами равны, то можно предположить, что такой подход к урегулированию конфликтов стал неотъемлемой частью внутренней структуры общества и что компетенция в области урегулирования конфликтов, основанная на компромиссе (включая необходимое толерантность), стала, соответственно, составляющим элементом политических действий. Законная монополия силы, верховенство закона, демократия – иными словами, современное демократическое конституционное государство надежно закрепилось в политической культуре. Культура **конструктивного урегулирования конфликтов**, таким образом, стала эмоциональной основой сообщества. Материальные критерии (“социальная справедливость”) становятся важным связующим звеном между институциональной структурой и ее позитивным резонансом в эмоциях народа (“общественное мнение”). По выражению Р. Дарендорфа, развивается “лигатура”, другими словами, окончательно и глубоко укоренившиеся политические и культурные связи и социально-культурная лояльность.

5. Неуверенное развитие культуры конструктивного урегулирования конфликта

Наличие политической культуры конструктивного урегулирования конфликтов не означает, что началась современная эпоха сосуществования, она в историческом процессе развивается с опозданием. Кроме того, в прошлом в традиционной европейской (предсовременной) культуре для нее, как и для пяти других условий, названных выше, не было места. Возникновение каждого краеугольного камня более точно можно выразить словами: “процесс, идущий с сопротивлением” или вопреки желанию, *contre coeur* (Senghaas, 1998, 2001): исторически разоружение было результатом победы и поражения в войне. Сильный праздновал победу над слабым, вышедший – над нижестоящим. Верховенство закона возникло на основе противоречивых компромиссов, на которые конфликтующие стороны были вынуждены пойти и которые, естественно, не были популярными. В то же время эти компромиссы в условиях хрупких позиций власти рассматривались в первую очередь и главным образом как временные уступки. В плане же контроля над эмоциями предпочтительнее всегда считалась жизнь с возможностью самоопределения в четко определенных микроконтекстах, а не интеграция в функциональные системы, имеющие собственную динамику. Вслед за Зигмундом Фрейдом было признано, что контроль над эмоциями регулируется принципами реальности, а не принципом удовольствия; другими словами, его нельзя получить без серьезной работы по отказу от эмоций.

Против укрепившейся оппозиции всегда велась также борьба за право более широкого участия в социально-политической сфере. В мире, с присущим ему неравенством, тот же принцип применим к борьбе за равноправие и дистрибутивную справедливость: право на политическое участие и справедливое распределение в каждом отдельном случае необходимо вырывать силой у тех, кто стоит у власти. Наконец, культура конструктивного урегулирования конфликтов может быть упрочена только при удачном сочетании обстоятельств, т.е. когда каждые из названных выше условий цивилизованного подхода станут исторической и усиливающейся

Бокс 1: Шестиугольник цивилизования

ся реальностью, навсегда и надежно закрепленной в эмоциях людей. Только при таких крайне благоприятных условиях там, где доминирует фундаментальная политизация, основной принцип ненасильственного урегулирования конфликтов может быть поставлен на рельсы цивилизованного решения.

Таким образом, сам этот процесс необходимо рассматривать как исторический результат множества конфликтов, которые, как описано выше, происходили один за другим в европейском контексте. Возникает модель урегулирования конфликтов, которую можно назвать “цивилизационный шестиугольник” (Senghaas, 1994b; Callieβ, 1997). Эта модель имеет конституционные, институционные и материальные параметры и характеризуется также признаком особой ментальности. В целом, и это необходимо подчеркнуть, она представляет собой искусственный продукт процесса цивилизования (бокс 1).

С полным основанием можно утверждать, что характерные для фундаментальной политизации в широких эмансипированных обществах условия, такие, как заявления сторонников абсолютизма, фиксация внимания на определенных интересах, выделение конкретной идентичности, собственнический индивидуализм и давление лоббистов, являются в некотором роде “естественными”. В то же время толерантность, признание правил игры, сдержанность, разделение власти, желание идти на компромисс и признание еще чьих-либо интересов, кроме собственных, рассматриваются скорее как “искусственные”, т.е. возникшие в результате трудного процесса коллективного обучения. За все эти универсальные достижения цивилизации высокую цену заплатила, в частности, Европа, оказавшись перед лицом конфликта как со старыми местными европейскими социальными традициями, в которых доминировали отношения собственности, так и с возникшим в XIX в. развитым классовым обществом. Таким образом, возникновение современного демократического конституционного государства – это не результат культурной или генетической предрасположенности. Скорее, это последствие серии инноваций, а с точки зрения истории Европы, у которой за плечами две с половиной тысячи лет, это – вероятнее всего последствие серии инноваций и проявления достижений работ лишь последних 150 лет (Senghaas, 1998, 2001).

6. Альтернативные ответы на социальные и политические трансформации

Урок, который Европа вынуждена была усвоить болезненно и тяжело, методом проб и ошибок, прямыми, окольными и даже ложными путями, заключается в том, что соблюдение толерантности – это решение в условиях плюрализма, которое изначально воспринималось как угроза. Этот урок будет повторен, если не в деталях, то в принципе в других частях света, причем с расширением масштабов фундаментальной политизации вследствие перехода от традиционных к социально мобильным обществам. Преодоление проблем сосуществования стало задачей, решение которой больше нельзя откладывать. К тому же как в традиционной Европе, так и в традиционной культуре неевропейских обществ не проявляется жизнеспособной реакции на эти современные проблемы. Восприятие этими обществами себя было в основном космоцентричным. В классической мифологии, в частности, космос, общество и люди считались единым целым, формирующим упорядоченную, организованную статичную иерархию. Роль действующих лиц в рамках этой структуры была предопределена. Восприятие истории имело циклический характер, оно не было историческим в современном смысле: это были циклы – как ритмы природы в годичном цикле года или в политической жизни (подъем, расцвет и падение имперских структур или империй), – и они постоянно возвращались на исходную точку. Вообще понятие множественности истины было непостижимо, т.к. существовала только единая Правда.

Если на основе этих предположений общественные институты и, в частности, правительство рассматриваются как органичное целое, то конфликты должны рассматриваться как дисфункциональные явления. В Древнем Китае и некоторых других странах конфликты считались “великим беспорядком под Раем” и, следовательно, началом существующего или неминуемого хаоса *luan*. В результате философия противодействия рассматривалась как вклад в преодоление этого хаоса, как стратегия урегулирования хаоса, и целью урегулирования было восстановление “космического порядка”. Данные понятия с точки зрения стратегии разрешения современных проблем сосуществования больше не пригодны. По этой причине, а также в силу обстоятельств, сложившихся во всем мире, необходимо разработать новые, соответствующие эпохе взгляды на урегулирование конфликтов, и, следовательно, новые подходы и формы внутреннего мира (*Senghaas*, 1998; 2001).

В отличие от Запада, в неевропейском мире процессы коллективного познания определяются только радикальными социальными и культурными переменами, происходящими на местном уровне. На их формирование влияет также развитие, происходящее на Западе. Вследствие этого в неевропейском мире можно выделить формы ответной реакции на это влияние.

Первая из них – это модернистская, имитирующая реакция, которая принимает вызов Запада, а также его опыт и “решения”. Запад рассматривается как модель борьбы с тем, что считается бременем собственных традиций. В первой половине XX в. такую ответную реакцию можно было наблюдать во многих странах, включая Китай, но она не выдержала испытания временем. Однако сегодня эта реакция оказалась весьма эффективной в двух из четырех новых индустриализирующихся стран Восточной Азии, а именно: в Корее и на Тайване. Эти молодые индустриальные страны превращаются в “новые демократизирующиеся государства”, чья политическая культура в обозримом будущем по существу не будет отличаться от культуры западных стран.

Во время расцвета модернизации и острого проявления проблемы сосуществования появляются различные защитники традиций, выступающие как сторонники

традиций, но на деле это – реакционеры или консерваторы. Они стремятся повернуть ход истории вспять и остановить стремительный ход модернизации. Этот второй тип ответной реакции можно наблюдать в мире повсеместно, где западный модернизм сталкивается с традиционным укладом жизни. В этом случае в качестве примера можно цитировать Ганди, т.к. его философия жизни была сельской, антикоммерческой и основанной на принципе равноправия. Он одобрял прямую демократию, основанную на малых составляющих и консенсусе в системе управления. В настоящее время все еще можно встретить подобные концепции, в частности в Центральной Африке.

Третья форма ответной реакции в случае подобных изменений – это полумодернизм. Полумодернисты восторгаются западным ноу-хау, но стремятся защитить свое общество от всех других форм интеллектуального воздействия. Япония с середины прошлого века успешно следует такому курсу (в то время как реально существующий социализм оказался неэффективным). В последнее время “Сингапурская школа” стала выдающимся примером полумодернизма. Другой пример – это исламский фундаментализм. Однако политические проблемы постоянно усложняющегося и обретающего все большее разнообразие общества в Сингапуре, в Китае, в исламских странах или где бы то ни было не могут быть решены или хотя бы приближены к решению, если используется такой предписывающий тип управления. Менее всего это возможно там, где существует доверие к теократическим подходам, основанным на исламском фундаментализме. Такие стремления (как, например, в настоящее время в Иране) имеют удивительные исторические параллели, которые при этом указывают также и на тщетность “теократической контрреволюции”, обращенной против модернизма. Пример этого можно найти и в Европе, в частности во Франции, в реакции первой половины XIX в. на Французскую революцию. В такой теократической программе плюрализм рассматривался и рассматривается как аморальный принцип, который на практике разрушает субстанцию общества, уничтожает традиционные ценности и культуру и олицетворяет собой моральную слепоту. С другой стороны, неограниченное религиозно мотивированное обладание властью рассматривалось и рассматривается абсолютно пригодной формой для сегодняшнего дня.

В конечном счете, однако, явствует, что если в неевропейском мире сталкиваются модернизм и традиции и происходят социальные перевороты, то обязательно требуются нововведения. Как в Европе, так и в неевропейских регионах эти изменения нельзя точно предсказать. Тем не менее некоторые регионы, вероятно, в будущем повторят опыт Европы. Дело в том, что как только традиционная культура сталкивается с тенденциями модернизации и в обществе происходит структурный, а следовательно и ментальный сдвиг, такие культуры с ужасающей неизбежностью вступают в конфликт сами с собой. Запускается механизм необходимых процессов коллективного познания, и в то же время может быть вызвано проблематичное и нежелательное развитие.

Согласно теории *конца истории*, все привнесенное модернизмом в полной мере уже было реализовано в западных/европейских странах, и неевропейским странам больше нечего предложить для работы над проблемами сосуществования. Однако вопреки этой теории, в ближайшие десятилетия четыре пятых человечества будут в основном против своей воли снова подвержены эксперименту, направленному на поиск решения проблем социальной мобильности и фундаментальной политизации, приемлемых на местном уровне. В конце концов, маловероятно, что абстрактно, на бумаге будут изобретены стоящие решения. В данном контексте скорее произойдет повтор европейского опыта: будут подготовлены условия для сосуществования и устойчивого урегулирования конфликтов. Другими словами, будет создан внутренний

мир, который в конечном счете окажется жизнеспособным в долговременной перспективе и будет непредопределяемым результатом политических конфликтов.

Таким образом, неевропейские государства не повторят тяжелого, болезненного и подверженного конфликтам европейского пути к демократическому конституционному государству с его институтами и традициями. Процесс будет походить на европейский опыт, однако, его результат может оказаться иным, особенно если действительно будут введены подлинные новшества. В последнем случае исход отразит, однако, не основополагающие параметры традиционной культуры, а вопреки изначальным традициям, новые аспекты.

С глобальной точки зрения, одна из серьезных проблем человечества в XXI в. заключается в том, чтобы найти решение плюрализма в моделях толерантности, которая защищена на институциональном уровне и надежно закреплена в человеческих эмоциях. Это вопрос не менее важный, чем распространяющиеся по всему миру экологические проблемы. Оглянувшись назад, в XX в., мы увидим, насколько решение этой проблемы неотложно. На протяжении прошлого века многие “альтернативы” толерантности были опробованы в варварской и жестокой форме: изгнание, создание гетто, апартеид, ссылки, этнические чистки или геноцид, а также различные формы гражданской войны (*Heinsohn, 1998; Dabag, Platt, 1998*).

В противоположность причинно-следственному пацифизму начала XX в. природа плюрализма неизменно подразумевает, что поиск законной, институциональной, материальной и психологической системы сосуществования внутри общества остается одним из важнейших приоритетов. Потребность достижения внутреннего мира не представляет, таким образом, второстепенного вопроса; в настоящее время – это более чем когда-либо острая, угрожающая жизни и глобальная проблема. Признание традиционных и привычных структур ослабевает во всех уголках земного шара. В результате этого неизбежно возникают конфликты интересов и ориентаций, борьба за власть и столкновения культур, мотивируемые поиском новых социальных и политических структур.

7. Формирование международной культуры конструктивного урегулирования конфликта

Шаткая стабильность внутреннего мира даже в рамках отдельных обществ представляет очень сложную проблему. Это хрупкое достижение, не имеющее гарантий постоянства даже при наилучших условиях. Проблема, подразумевающая достижение и сохранение международного сосуществования, представляется еще более сложной на международном уровне (*Falk, 1995; Ferencz, 1994*). Государства не разоружились, несмотря на международное право: абсолютный запрет на применение силы включен в Устав ООН в 1945 г., и Совет Безопасности ООН имеет по общему признанию, “монополию на применение силы”, основанную на системе коллективной безопасности ООН. Вопрос о том, что может подразумеваться под “контролем на международном уровне посредством соблюдения законности”, начинает обсуждаться только в последнее время (*Bauer, 1996; Gading, 1996; Lailach, 1998*). Так, например, кто на самом деле имеет на международном уровне полномочия осуществлять контроль над органом, которому согласно Уставу ООН вверена квазимонополия на применение силы, т.е. над Советом Безопасности? Какой орган несет ответственность за рассмотрение жалоб на решения Совета Безопасности, если эти решения принимаются теми, кто участвовал в создании условий для нарушения международного права? (*Bedjaoui, 1995; Falk, 1993; Höffe, 1999; Martenczuk, 1996; Zürn, Zangl, 1999*).

Наряду с этим верно и то, что в настоящее время идут удивительные процессы интернационализации, транснационализации или, как это модно сейчас называть, – глобализации (*Beisheim et. al.*, 1999). Однако они протекают во все еще глубоко расколотом мире, который генерирует очень мало системных (и эффективных на глобальном уровне) ограничений контроля над эмоциями (*Senghaas*, 1994a). Правила, универсальные для всего мира, существуют только в технических функциональных областях, например таких, как международный авиатранспорт. Представьте себе, что подобные правила существовали бы в области международных финансовых сделок и были направлены на освоение психологии фондовых бирж! К чему бы привело демократическое участие на глобальном уровне? Кто, кроме государств, которые это уже делают, должен организоваться на глобальном уровне, и каким образом они должны будут это сделать для того, чтобы соответствовать демократическому императиву и предотвратить насильственный конфликт? Будут ли наряду с правительствами представлены все заинтересованные группы, например такие, как ассоциации работодателей и трудящихся Международной Организации Труда (МОТ) или профсоюзы, культурные и религиозные общины всех видов и размеров, а также многонациональные компании? А что будет с часто упоминаемым “гражданским обществом” – множеством неправительственных организаций (НПО), таких, как Гринпис, Международная Амнистия? На чем будет основан их мандат? Какова будет реально форма представительской демократической конституции на международном уровне? Что в этом контексте будет подразумеваться под “гражданским участием”? (*Archibugi, Held*, 1995; *Held*, 1995; *Höffe*, 1999). Вопрос за вопросом встают и в связи с постепенно возникающим “постнациональным созвездием” (*Habermas*, 1998; *Zürn*, 1998). Ответы на них должны быть найдены в XXI в.

Можно предположить, что если не будут предприняты попытки устранить неравенство или если не проявится хотя бы стремление к справедливому распределению, то шансы цивилизовать конфликт на международном уровне останутся незначительными. Только в случае применения серьезных и целенаправленных усилий станет возможным предотвратить наращивание абсолютно бесконтрольной взрывоопасной политической силы, генерирующейся за счет динамики привилегий и дискриминации (*Brieskorn*, 1997). Только в этом случае культура конструктивного урегулирования конфликтов будет иметь шанс на существование на международном уровне (*Bobbio*, 1998).

8. Мирная политика

Рассматривая опыт мирных ситуаций внутри стран и требования мира и соответствующего порядка на международном уровне для достижения надежного и цивилизованного урегулирования конфликтов, т.е. прочного мира, можно утверждать следующее: мир, определяемый как длительная и устойчивая цивилизационная конфликта, должен рассматриваться как ненасильственный политический процесс, направленный на предотвращение применения силы (*Senghaas*, 1996). В этом процессе соглашения и компромиссы должны создавать условия, позволяющие установить мирные отношения между социальными группами или государствами и нациями без угрозы их существованию и без серьезного нарушения понятия справедливости или интересов отдельных людей и групп так, чтобы и после того, как будут исчерпаны все мирные средства, они не посчитали бы необходимым обратиться к насилию. Сформулированная таким образом мирная политика может затем стать обязательным, постоянным и конструктивным способом урегулирования политической силы, которая в современном мире представляет результат фундаментальной политизации.

9. Глобальная система для мира

Для того чтобы мирная политика была успешной даже на небольшой арене – в рамках обществ или государств – должны существовать благоприятные условия. Неблагоприятные условия часто ведут к ситуациям, в которых ненасильственное разрешение конфликтов уступает место насилию. Возвращаясь к перечисленным выше вопросам, следует, однако, отметить, что границы необходимых предпосылок, касающихся создания нового всемирного порядка, на глобальном уровне даже шире в силу того, что на этом уровне условия значительно менее благоприятны (Rittberger, 1994).

Пацифисты начала XX в., стремившиеся сформулировать конструктивную концепцию мира, подходили к этому вопросу с точки зрения международной терминологии. Они искренне намеревались достичь мирного порядка во всем мире. В настоящее время, обращаясь мысленно ко многим старым и, несомненно, очень многим новым взаимозависимостям, мы использовали бы термин “глобальное управление”. Тем не менее они (т.е. пацифисты начала XX в.) были достаточно реалистичны, чтобы понять, что для достижения действительно функционального порядка необходимы региональные или континентальные составляющие.

Политическое формирование общности на региональном уровне также представляет собой сложный процесс коллективного обучения. Этот урок был извлечен, в частности, из опыта европейской интеграции. Для интеграции необходимы определенные единые базовые ценности, усовершенствованные коммуникации, справедливый и выгодный для всех сторон обмен и прежде всего, быстрое реагирование на потребности и интересы более слабых ее участников. Однако на региональном уровне процесс интеграции должен быть успешным даже для его начала только в европейском контексте. Этот единственный пример будет служить доказательством того, что устойчивый мирный порядок за пределами национального государства не является иллюзией. Благодаря конституционным, институциональным, материальным и эмоциональным усилиям, он может “опираться” (*gestiftet* – по терминологии Канта) на надежный и устойчивый в перспективе фундамент (Deutsch et. al., 1957; Zielinski, 1995; Senghaas, 1992).

Итак, цель попытки ввести глобальное управление, как четко сформулировали сторонники причинно-следственного пацифизма, состоит в создании архитектуры внутренней жизни для мирового порядка во всем мире: от более низкого уровня отдельного мирного государства (такова предпосылка!), через его интеграцию в свободные или широкомасштабные интегрированные региональные организации, до самого высшего уровня, где международные организации и международные правила (международные режимы) создают устойчивые институциональные и законные контекстуальные условия для цивилизованного разрешения неизбежных конфликтов. Основная задача состоит в преодолении насильственных конфликтов на всех уровнях и действительно принципиальное их искоренение. Эта идея, бывшая некогда мечтой фантазера, сегодня может стать ключевым элементом прагматической *реальной политики*.

10. Деятельность для продвижения глобальной системы мира

Кто может стать инициатором этой реальной политики, направленной на создание глобального управления? Пацифисты с их конструктивными программами когда-то считали, что новый всемирный порядок – это результат осторожной политики государственных лидеров, другими словами, результат мудрой дипломатии, осно-

ванной на интернациональных, космополитических нормах в сочетании с поддержкой международных организаций. Они не видели проблем, связанных непосредственно с государством как таковым, т.к. они признавали качественные различия между государствами. Кроме всего прочего, они уже понимали значение термина “неконтролируемое государство” (*Fried in Benz*, 1998. P. 73). Под этим термином подразумевались те акторы в международном сообществе, которые постоянно отказываются признать международный порядок. Отражая преобладающие отношения и условия того времени, пацифистская философия, таким образом, всецело полагалась на государство и государственных акторов, несмотря на то, что для цивилизации сообщество государств полезными считались общественные движения, такие, как гражданские, женские или социалистические пацифистские движения и их международные сети. Философия анархии была этой ветви пацифизма абсолютно чужда.

По общему признанию, продолжают существовать государства различного плана. Было бы легкомысленно недооценивать этот факт, т.к. он открывает возможности для цивилизации конфликта. Однако более глубокие и более широкие взаимосвязи современного мира подразумевают, что важность государства и государственности снижается (по крайней мере в рамках Организации Экономического Сотрудничества и Развития). Такие взаимосвязи позволяют принимать участие в международной политике не только акторам, действующим в сфере экономики и культуры, но и социальным акторам (*Czempiel*, 1993).

Одновременно с усилением экономической природы внешней политики, что наблюдается уже некоторое время, она сегодня еще и “обобществляется”. Это само по себе оказывает влияние на внешнюю политику: СМИ, группы по интересам, партии, политические организации, профессиональные ассоциации, НПО и другие социальные группы все больше включаются в сети, выходящие за пределы национальных границ; некоторые из них уже завоевали незаурядный авторитет (*Callieβ*, 1998).

Более того, в современном мире НПО занимают важное место, особенно в урегулировании катастроф и чрезвычайных ситуаций, и прежде всего, в реагировании на этнополитические конфликты. Для граждан, активно участвующих в общественной жизни, открывается новое и широкое поле для мирной политической деятельности, где существует большое разнообразие спроса на различных специалистов и владение практическими навыками. Деятельность включает помощь политически и социально уязвимым группам (“наделение полномочиями”), сопровождение лиц, подвергающихся опасности, поддержка беженцев, постконфликтное построение мира, сообщения о зарождающихся конфликтах и признаках их обострения (“раннее предупреждение”), наблюдение за демонстрациями, организация диалога между враждебными группами, посредничество и помощь в проведении переговоров, предоставление судебных наблюдателей, физическое присутствие в потенциальных и реальных зонах напряжения, делегирование наблюдателей на выборы, а также консультирование официальных миссий, таких как ООН, ОБСЕ и ЕС (*Merkel*, 1998).

Эта деятельность не может быть заранее спланированной. Она требует также, кроме необходимых обязательств, и соответствующей подготовки. Другими словами, требуется ориентированная на конкретную проблему и ситуацию “гражданская миротворческая служба” или в реалии специализированная миротворческая служба, в которой гражданские обязательства будут приведены в соответствие с навыками. Это открывает еще одно новое и широкое поле деятельности для конструктивного пацифизма, которое, в свою очередь, нуждается в предварительных и сопутствующих исследованиях, а также в оценке собственной эффективности. Однако начало развития этого направления обозначилось только в 1990-х годах.

Потребность в разработке концепций для миротворческой деятельности этого плана возрастает по мере увеличения спроса на данные услуги, особенно по мере накопления начального опыта. Опыт, приобретенный, в частности, в кризисных и конфликтных ситуациях, отражает степень, до которой государственные акторы и действующие лица гражданского общества полагаются друг на друга в различных ситуациях даже тогда, когда они действуют на разных уровнях и работают с разными целевыми группами (*Lederach, 1994*). Для того, чтобы обеспечить гражданскому обществу возможность сыграть свою роль в вооруженных конфликтах, в отдельных случаях необходимыми могут оказаться даже меры военной безопасности. Категорическое неприятие контакта между разными уровнями, т.е. государственных акторов и действующих лиц гражданского общества, доказало в этом контексте свою неэффективность, в то время как совместное обучение, т.е. “многоуровневая деятельность” оказалась прогрессивной (*Ropers, 1997*).

- Archibugi D., Held D.* (eds.), 1995. *Cosmopolitan Democracy: An Agenda for a New World Order*. Cambridge: Polity Press.
- Bauer A.F.*, 1996. *Effektivität und Legitimität. Die Entwicklung der Friedenssicherung durch Zwang nach Kapitel VII der Charta der Vereinten Nationen unter besonderer Berücksichtigung der neueren Praxis des Sicherheitsrates*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Bedjaoui M.*, 1995. *The New World Order and the Security Council: Testing the Legality of its Acts*. Dordrecht: Nijhoff.
- Beisheim M. et al.*, 1999. *Im Zeitalter der Globalisierung? Thesen und Daten zur gesellschaftlichen und politischen Denationalisierung*. Baden-Baden: Nomos.
- Benz W.* (ed.), 1988. *Pazifismus in Deutschland*. Frankfurt/M.: Fischer.
- Bobbio N.*, 1998. *Das Zeitalter der Menschenrechte. Ist Toleranz durchsetzbar?* Berlin: Wagenbach.
- Boulding K.*, 1978. *Stable Peace*. Austin: University of Texas Press.
- Briekorn N.* (ed.), 1997. *Globale Solidarität*. Stuttgart: Kohlhammer.
- Calließ J.* (ed.), 1997. *Wodurch und wie konstituiert sich Frieden? Das zivilisatorische Hexagon auf dem Prüfstand*. Loccum: Ev. Akademie.
- Calließ J.* (ed.), 1998. *Barfuß auf diplomatischem Parkett. Die Nichtregierungsorganisationen in der Weltpolitik*. Loccum: Ev. Akademie.
- Czempiel E.-O.*, 1993. *Weltpolitik im Umbruch*. München: Beck.
- Czempiel E.-O.*, 1998. *Friedensstrategien*. Opladen: Westdeutscher Verlag.
- Dabag M., Platt K.J.* (eds.), 1998. *Genozid und Moderne*. Opladen: Leske & Budrich. Bd. 1.
- Deutsch K.W. et al.*, 1957. *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience*. Princeton: Princeton UP.
- Falk R. et al.*, (eds.), 1993. *The Constitutional Foundations of World Peace*. NY: State University of New York Press.
- Falk R.*, 1995. *On Humane Governance: Toward a New Global Politics*. Oxford: Polity Press.
- Ferencz B.B.*, 1994. *New Legal Foundations for Global Survival: Security through the Security Council*. NY: Oceana.
- Fried A.H.*, 1918. *Probleme der Friedentechnik*. Leipzig: Verlag Naturwissenschaften.
- Gading H.*, 1996. *Der Schutz grundlegender Menschenrechte durch militärische Maßnahmen des Sicherheitsrates – das Ende staatlicher Souveränität?* Berlin: Duncker & Humblot.
- Gantzel K.-J., Schwinghammer T.*, 1995. *Die Kriege nach dem Zweiten Weltkrieg 1945 bis 1992. Daten und Tendenzen*. Münster; Hamburg: Lit.
- Habermas J.*, 1998. *Die postnationale Konstellation*. Frankfurt / M.: Suhrkamp.
- Heinsohn G.*, 1998. *Lexikon der Völkermorde*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt.
- Held D.*, 1995. *Democracy and the Global Order: From the Modern State to Cosmopolitan Governance*. Cambridge: Polity Press.
- Höffe O.*, 1999. *Demokratie im Zeitalter der Globalisierung*. München: Beck.
- Lailach M.*, 1998. *Die Wahrung des Weltfriedens und der internationalen Sicherheit als Aufgabe des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen*. Berlin: Duncker & Humblot.

- Lederach J.P.*, 1994. *Building Peace: Sustainable Reconciliation in Divided Societies*. Washington: US Institute of Peace Press.
- Martenczuk B.*, 1996. *Rechtsbindung und Rechtskontrolle des Weltsicherheitsrates*. Berlin: Duncker & Humblot.
- Merkel C.*, 1998. *Friedenspolitik der Zivilgesellschaft*. Münster: Agenda.
- Rittberger V.*, 1994. *Internationale Organisationen. Politik und Geschichte*. Opladen: Leske & Budrich.
- Ropers N.*, 1997. *Prävention und Friedenskonsolidierung als Aufgabe für gesellschaftliche Akteure // Frieden machen / Ed. D. Senghaas. Frankfurt / M.: Suhrkamp. S. 219–242.*
- Senghaas D.*, 1992. *Friedensprojekt Europa*. Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Senghaas D.*, 1994a. *Interdependenzen im internationalen System // Frieden und Konflikt in den internationalen Beziehungen / Eds. G. Krell and H. Müller. Frankfurt/M.: Campus. S. 190–222.*
- Senghaas D.*, 1994b. *Wohin driftet die Welt? Über die Zukunft friedlicher Koexistenz*. Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Senghaas D.* (ed.), 1995. *Den Frieden denken*. Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Senghaas D., Senghaas E.*, 1996. *Si vis pacem, para pacem – Überlegungen zu einem zeitgemäßen Friedenskonzept // Eine Welt oder Chaos? / Ed. B. Meyer. Frankfurt/M.: Suhrkamp. S. 245–275.*
- Senghaas D.* (ed.), 1997. *Frieden machen*. Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Senghaas D.* (ed.), 1998. *Zivilisierung wider Willen. Der Konflikt der Kulturen mit sich selbst*. Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Senghaas D.*, 2001. *The Clash Within Civilizations: Coming to Terms with Cultural Conflicts*. London; NY: Routledge.
- Vogt W.R.* (ed.), 1996. *Frieden durch Zivilisierung? Probleme – Ansätze – Perspektiven*. Münster: Agenda.
- Zielinski M.*, 1995. *Friedensursachen. Genese und konstituierende Bedingungen von Friedensgemeinschaften am Beispiel der Bundesrepublik Deutschland und der Entwicklung ihrer Beziehungen zu den USA, Frankreich und den Niederlanden*. Baden-Baden: Nomos.
- Zürn M.*, 1998. *Regieren jenseits des Nationalstaates*. Frankfurt/M.: Suhrkamp.
- Zürn M., Zangl B.*, 1999. *Weltpolizei oder Weltinterventionsgericht? Zur Zivilisierung der Konfliktbearbeitung // Internationale Politik. Vol. 54, № 8. S. 17–24.*